

давалъ ей по всѣмъ политическимъ дѣламъ. Если стать на высоту исторіи и смотрѣть съ точки зрѣнія жизненныхъ интересовъ Россіи, какъ государства и народа, то нельзя не видѣть, что эти услуги были сравнительно мелки, а совѣты всегда касались лишь подробностей и интересовъ данной минуты и даннаго положенія. По отношенію къ будущему, они мало имѣли значенія уже потому, что всегда въ концѣ-концовъ клонились къ осуществленію специфически прусскихъ цѣлей и стремленій, русскимъ же служили лишь постольку, поскольку они соотвѣтствовали прусскимъ. Но лично для Екатерины, особенно въ виду ея несовсѣмъ твердаго и крайне затруднительнаго положенія въ первые годы ея царствованія, эти услуги и совѣты были истинно драгоцѣнны. Надо помнить, что она была одна буквально. Въ массѣ окружавшихъ ее придворныхъ не было ни одного человѣка, на котораго она могла бы положиться вполне, который могъ бы ей служить совѣтникомъ и опорой. Были, конечно, люди, преданные ей безусловно, между прочимъ и потому, что ихъ личное положеніе зависѣло исключительно отъ нея. Всѣ братья Орловы, на примѣръ, не остановились бы ни передъ чѣмъ, чтобы служить ей и ея интересамъ. Было и честное сердце, соединенное съ свѣтлымъ умомъ—Панинъ, готовый тоже служить ей вѣрой и правдой, если не изъ личной преданности, то ради спокойствія и интересовъ государства. Но первые, хотя энергичные и смѣлые, представляли однако же лишь здоровыя руки; они были способны исполнить всякое порученіе, но совершенно неспособны осмыслить положеніе и обдумать, что дѣлать; второй же, человѣкъ несомнѣнно мыслящій и просвѣщенный, лишенъ былъ всякой способности къ дѣйствию. Самая честность его представляла извѣстнаго рода неудобства, потому что дѣлала его и безъ того нерѣшительную натуру еще болѣе нерѣшительной и боязливой. Екатеринѣ же, въ ея положеніи, нуженъ былъ именно человѣкъ, въ которомъ свѣтлый и смѣлый умъ соединялся бы съ несокрушимой энергіей и рѣшительностію характера. Только такой человѣкъ могъ служить ей поддержкой, а безъ поддержки—она это чувствовала и сознавала—ей не легко будетъ справиться съ великой и трудной задачей, которую она на себя приняла. Такого человѣка она и нашла въ Фридрихѣ II. Его изворотливый геній и глубокая опытность помогли ей пріобрѣсти то, что, въ первые годы царствованія, составляло для нея условіе *sine qua non* безопасности—помогли ей утвердить свой престижъ и окружить себя блестящимъ ореоломъ, который импонировалъ внѣшнимъ врагамъ, ослѣплялъ внутреннихъ и за-